

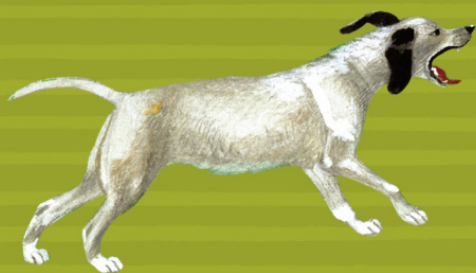
КЛАССНАЯ КЛАССИКА



К.Г. Паустовский



# КОРЗИНА С ЕЛОВЫМИ ШИШКАМИ



✠ Machaon

Классная классика

Константин Паустовский

**Корзина с еловыми шишками**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.161.1-3-93  
ББК 84(2Рос=Рус)6

## **Паустовский К. Г.**

Корзина с еловыми шишками / К. Г. Паустовский — «Азбука-Аттикус», — (Классная классика)

ISBN 978-5-389-23740-7

Константин Георгиевич Паустовский – классик отечественной литературы. Паустовский был уверен, что книги «следует писать только до тех пор, пока автор может говорить правду». И этому принципу он следовал всю свою творческую жизнь. Писатель обладал редкостным талантом – способностью подмечать то, что ускользает от «ленивых человеческих глаз». Почему еловые шишки весят гораздо больше сосновых? Почему человека, идущего по некошеному полю, может неотступно преследовать ласточка и кричать так, будто у неё отняли птенца? Он заражает читателя восхищением природой, раскрывает простые, казалось бы, истины. Но Паустовский писал не только о природе. Дети – вот чьим языком владел он в совершенстве и для кого сочинил – увлекательно и с юмором – немало своих замечательных произведений. В книгу, проиллюстрированную народным художником России, обладателем золотой медали Российской академии художеств Николаем Устиновым, вошли самые известные рассказы и сказки писателя.

УДК 821.161.1-3-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-23740-7

© Паустовский К. Г.

© Азбука-Аттикус

## Содержание

«Слушай, жизнь... я люблю тебя!»	7
Собрание чудес	9
Летние дни	9
Золотой линь	11
Последний чёрт	17
Резиновая лодка	23
Сивый мерин	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

# **Константин Паустовский**

## **Корзина с еловыми шишками**

© Паустовский К. Г., наследники, 2023

© Устинов Н. А., иллюстрации, 2023

© Оформление, вступительная статья. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»,  
2023

Machaon®

\* \* \*





## «Слушай, жизнь... я люблю тебя!»

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) довольно рано решил стать писателем. Стихи начал сочинять ещё в школе, а первый рассказ опубликовал, будучи гимназистом. Но путь в литературу не был прямым. После развода родителей, которые привили сыну любовь к искусству, пришлось самостоятельно зарабатывать на жизнь и учёбу. Проведя детство и юность в Киеве, Паустовский переезжает в Москву – город, в котором родился. Ранние литературные опыты не вселяли в будущего писателя уверенности. Он вдруг с ужасом понял, как беден его «запас жизненных наблюдений», десять лет не брал в руки пера, а «просто жил: учился, трудился, любил, радовался, удивлялся, разочаровывался». Хотя простой эту жизнь никак не назовёшь. За годы Первой мировой и гражданской войн Паустовский сменил несколько профессий. Работал вагоновожатым и трамвайным кондуктором, служил в санитарном поезде, перевозившем раненых, трудился на металлургическом заводе, рыбачил с артелью на Азовском море. Скитаясь по стране, он «жадно вбирал в себя всё, что видел вокруг». Вот почему творчество писателя так достоверно!

Паустовский был уверен, что книги «следует писать только до тех пор, пока автор может говорить правду». В его рассказах нет лихо закрученных сюжетов, фантастических приключений, выдуманных интриг. Но от них, точно от красивой картины, невозможно оторвать глаз. Хочется любоваться этой словесной живописью, наслаждаться её акварельным языком. Несмотря на сильную близорукость в жизни, Паустовский, как и любимый им сказочник Андерсен, обладал «талантом, редкой способностью замечать то, что ускользает от ленивых человеческих глаз». Он заражает читателя восхищением природой, раскрывает простые, казалось бы, истины. Почему еловые шишки весят гораздо больше сосновых, а во время покоса лучше не ловить рыбу на луговых озёрах? Почему человека, идущего по некошеному полю, может неотступно преследовать ласточка и кричать так, будто у неё отняли птенца? Паустовский пишет увлекательно и с юмором. Чего только стоит история про Мурзика, который, играя в лодке, разгрыз пробку, а густая струя воздуха, как вода из пожарного шланга, ударила в морду, да так сильно, что подбросила его и занесла в заросли крапивы!

Мир Паустовского – это не только природа. Он населён детьми, «загорелыми, здоровыми и весёлыми, привыкшими к ночёвкам в лесу, к дождю, ветру, жаре и холоду». Писатель в совершенстве владеет их языком. Сохранились воспоминания сына Паустовского: «Однажды я притащил домой с пляжа косматого беспризорного щенка, бесследно исчезнувшего через несколько дней. Чтобы прервать поток моих слёз, отец рассказал, как щенок увязался в Севастополь за старым портовым сторожем, который нёс свёрток с чудесно пахнущей колбасой. В Севастополе щенок, разумеется, попал на учебный парусник и отправился с курсантами в кругосветное плавание. Так началась длинная “история с продолжением”, тянувшаяся от эпизода к эпизоду всё лето».

В то же время будет ошибкой называть Паустовского детским писателем. По его же признанию, «в каждой детской сказке заключена вторая, которую в полной мере могут понять только взрослые». Поэтому-то неудивительно, что Паустовского любят читатели разных стран и поколений. Сохранилась редкая фотография, на которой Марлен Дитрих, знаменитейшая немецкая и американская актриса, в знак восхищения встала перед русским писателем на колени.

Сам Паустовский объехал полмира, побывал в разных частях света. Но от этого его любовь к родной земле ничуть не угасла. Напротив, в одном из рассказов мы видим, как Варюша «думала было надеть перстень на указательный палец, чтобы повидать белый свет со всеми его чудесами, но посмотрела на все эти цветы, на липкие берёзовые листочки, на ясное небо и жаркое солнце, послушала перекличку петухов, звон воды, пересвистывание птиц над

полями – и не надела перстенёк на указательный палец. “Успею, – подумала она. – Нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у нас в Моховом. Это же прелесть что такое! Не зря ведь дед Кузьма говорит, что наша земля истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете!”»

*Алексей Холиков, доктор филологических наук*



## Собрание чудес Рассказы



### Летние дни

Всё, что рассказано здесь, может случиться с каждым, кто прочтёт эту книгу. Для этого нужно только провести лето в тех местах, где есть вековые леса, глубокие озёра, реки с чистой водой, заросшие по берегам высокими травами, лесные звери, деревенские мальчишки и болтливые старики. Но этого мало. Всё, что рассказано здесь, может случиться только с рыболовами!

Я и Рувим, описанный в этой книге, мы оба гордимся тем, что принадлежим к великому и беззаботному племени рыболовов. Кроме рыбной ловли, мы ещё пишем книги.

Если кто-нибудь скажет нам, что наши книги ему не нравятся, мы не обидимся. Одному нравится одно, другому совсем иное – тут ничего не поделаешь. Но если какой-нибудь задира скажет, что мы не умеем ловить рыбу, мы долго ему этого не простим.

Мы провели лето в лесах. С нами был чужой мальчик; его мать уехала лечиться к морю и попросила нас взять её сына с собой.

Мы охотно взяли этого мальчика, хотя были совсем не приспособлены к тому, чтобы возиться с детьми.

Мальчик оказался хорошим другом и товарищем. В Москву он приехал загорелый, здоровый и весёлый, привыкший к ночёвкам в лесу, к дождю, ветру, жаре и холоду. Остальные мальчики, его товарищи, ему потом завидовали. И завидовали не даром, как вы это сейчас увидите из нескольких маленьких рассказов.



## Золотой линь



Когда в лугах покосы, то лучше не ловить рыбу на луговых озёрах. Мы знали это, но всё-таки пошли на Прорву.

Неприятности начались сейчас же за Чёртовым мостом. Разноцветные бабы копнили сено. Мы решили их обойти стороной, но они нас заметили.

– Куды, соколики? – закричали и захохотали бабы. – Кто удит, у того ничего не будет!

– На Прорву подались, верьте мне, бабочки! – крикнула высокая и худая вдова, прозванная Грушей-пророчицей. – Другого пути у них нету, у горемычных моих!

Бабы нас изводили всё лето. Сколько бы мы ни наловили рыбы, они всегда говорили с жалостью:

– Ну что ж, хоть на ушицу себе наловили, и то счастье. А мой Петька надесь десять карасей принёс, и до чего гладких – прямо жир с хвоста капает!

Мы знали, что Петька принёс всего двух худых карасей, но молчали. С этим Петькой у нас были свои счёты: он срезал у Рувима крючок и выследил места, где мы прикармливали рыбу. За это Петьку, по рыболовным законам, полагалось вздуть, но мы его простили.

Когда мы выбрались в некошенные луга, бабы стихли.

Сладкий конский щавель хлестал нас по груди. Медуница пахла так сильно, что солнечный свет, затопивший рязанские дали, казался жидким мёдом.

Мы дышали тёплым воздухом трав, вокруг нас гулко жужжали шмели и трещали кузнечики.

Тусклым серебром шумели над головой листья столетних ив. От Прорвы тянуло запахом кувшинок и чистой холодной воды.

Мы успокоились, закинули удочки, но неожиданно от лугов приплёлся дед, по прозвищу Десять процентов.

– Ну, как рыбка? – спросил он, щурясь на воду, сверкавшую от солнца. – Ловится?

Всем известно, что на рыбной ловле разговаривать нельзя.

Дед сел, закурил махорку и начал разуваться.

– Не-ет, нынче клевать у вас не будет, нынче рыба заелась. Шут её знает, какая ей насадка нужна!

Дед помолчал. У берега сонно закричала лягушка.

– Ишь стрекошет! – пробормотал дед и взглянул на небо.

Тусклый розовый дым висел над лугом. Сквозь этот дым просвечивала бледная синева, а над седыми ивами висело жёлтое солнце.

– Сухомень! – вздохнул дед. – Надо думать, к вечеру ха-ароший дождь натянет.

Мы молчали.

– Лягва тоже не зря кричит, – объяснил дед, слегка обеспокоенный нашим угрюмым молчанием. – Лягва, милоч, перед грозой завсегда тревожится, скачет куды ни попало. Надясь я ночевал у паромщика, уху мы с ним в казанке варили у костра, и лягва – кило в ней было весу, не меньше, – сиганула прямо в казанок, там и сварилась. Я говорю: «Василий, остались мы с тобой без ухи», а он говорит: «Чёрта ли мне в той лягве! Я во время германской войны во Франции был, и там лягву едят почём зря. Ешь, не пужайся». Так мы ту уху и с хлебали.





– И ничего? – спросил я. – Есть можно?

– Скусная пища, – ответил дед. – И-и-их, милый, гляжу я на тебя, всё ты по Прорвам шатаешься. Хошь, я тебе пиджачок из лыка сплету? Я сплёл, милок, из лыка цельную тройку – пиджак, штаны и жилетку – для выставки. Супротив меня нет лучшего мастера на всё село.

Дед ушёл только через два часа. Рыба у нас, конечно, не клевала.

Ни у кого в мире нет столько самых разнообразных врагов, как у рыболовов. Прежде всего – мальчишки. В лучшем случае они будут часами стоять за спиной, сопеть и оцепенело смотреть на поплавок.

Мы заметили, что при этом обстоятельстве рыба сейчас же перестаёт клевать.

В худшем случае мальчишки начнут купаться поблизости, пускать пузыри и нырять, как лошади. Тогда надо сматывать удочки и менять место.



Кроме мальчишек, баб и болтливых стариков, у нас были враги более серьёзные: подводные коряги, комары, ряска, грозы, ненастье и прибыль воды в озёрах и реках.

Ловить в коряжистых местах было очень заманчиво – там пряталась крупная и ленивая рыба. Брала она медленно и верно, глубоко топила поплавок, потом запутывала леску о корягу и обрывала её вместе с поплавком.

Тонкий комариный зуд приводил нас в трепет. Первую половину лета мы ходили все в крови и опухольях от комариных укусов. В безветренные жаркие дни, когда в небе сутками стояли на одном месте всё те же пухлые, похожие на вату облака, в заводях и озерах появлялась мелкая водоросль, похожая на плесень, – ряска. Вода затягивалась липкой зелёной плёнкой, такой толстой, что даже грузило её не могло пробить.

Перед грозой рыба переставала клевать – она боялась грозы, затишья, когда земля глухо дрожит от далёкого грома.

В ненастье и во время прибыли воды клёва не было.

Но зато как хороши были туманные и свежие утра, когда тени деревьев лежали далеко на воде и под самым берегом ходили стаями неторопливые пучеглазые голавли! В такие утра стрекозы любили садиться на перьяные поплавки, и мы с замиранием сердца смотрели, как поплавок со стрекозой вдруг медленно и косо шёл в воду, стрекоза взлетала, замочив свои лапки, а на конце лески туго ходила по дну сильная и весёлая рыба.

Как хороши были краснопёрки, падавшие живым серебром в густую траву, прыгавшие среди одуванчиков и кашки! Хороши были закаты вполнеба над лесными озёрами, тонкий дым облаков, холодные стебли лилий, треск костра, кряхтенье диких уток.

Дед оказался прав: к вечеру пришла гроза. Она долго ворчала в лесах, потом поднялась к зениту пепельной стеной, и первая молния хлестнула в далёкие стога.

Мы просидели в палатке до ночи. В полночь дождь стих. Мы разожгли большой костёр, обсохли и легли вздремнуть.

В лугах печально кричали ночные птицы, и белая звезда переливалась над Прорвой в чистом предутреннем небе.

Я задремал. Разбудил меня крик перепела.

«Пить пора! Пить пора! Пить пора!» – кричал он где-то рядом, в зарослях шиповника и крушины.

Мы спустились с крутого берега к воде, цепляясь за корни и травы. Вода блестела, как чёрное стекло; на песчаном дне были видны дорожки, проложенные улитками.

Рувим закинул удочку недалеко от меня. Через несколько минут я услышал его тихий призывный свист. Это был наш рыболовный язык. Короткий свист три раза значил: «Бросайте всё и идите сюда».

Я осторожно подошёл к Рувиму. Он молча показал мне на поплавок. Клевала какая-то странная рыба. Поплавок качался, осторожно ёрзал то вправо, то влево, дрожал, но не тонул. Он стал наискось, чуть окунулся и снова вынырнул.

Рувим застыл – так клюёт только очень крупная рыба.

Поплавок быстро пошёл в сторону, остановился, выпрямился и начал медленно тонуть.

– Топит, – сказал я. – Тащите!

Рувим подсёк. Удилище согнулось в дугу, леска со свистом врезалась в воду. Невидимая рыба туго и медленно водила леску по кругам. Солнечный свет упал на воду сквозь заросли вётел, и я увидел под водой яркий бронзовый блеск: это изгибалась и пятилась в глубину пойманная рыба. Мы вытащили её только через несколько минут. Это оказался громадный ленивый линь со смуглой золотой чешуёй и чёрными плавниками. Он лежал в мокрой траве и медленно шевелил толстым хвостом.

Рувим вытер пот со лба и закурил.

Мы больше не ловили, сматывали удочки и пошли в деревню.

Рувим нёс линия. Он тяжело свисал у него с плеча. С линия капала вода, а чешуя сверкала так ослепительно, как золотые купола бывшего монастыря. В ясные дни купола были видны за тридцать километров.

Мы нарочно прошли через луга мимо баб. Они, завидев нас, бросили работу и смотрели на линия, прикрыв ладонями глаза, как смотрят на нестерпимое солнце. Бабы молчали. Потом лёгкий шёпот восторга прошёл по их пёстрым рядам.

Мы шли через строй баб спокойно и независимо. Только одна из них вздохнула и, берясь за грабли, сказала нам вслед:



– Красоту-то какую понесли – глазам больно!

Не торопясь мы пронесли линия через всю деревню. Старухи высовывались из окон и глядели нам в спину. Мальчишки бежали следом и канючили:

– Дядь, а дядь, где пымал? Дядь, а дядь, на што клюнуло?

Дед Десять процентов пощёлкал линия по золотым твёрдым жабрам и засмеялся:

– Ну, теперь бабы языки подожмут! А то у них всё хаханьки да хихоньки. Теперь дело иное, серьёзное.

С тех пор мы перестали обходить баб. Мы шли прямо на них, и они нам ласково кричали:

– Ловить вам не переловить! Не грех бы и нам рыбки принести.

Так восторжествовала справедливость.





## Последний чёрт



Дед ходил за дикой малиной на Глухое озеро и вернулся с перекошенным от страха лицом. Он долго кричал по деревне, что на озере завелись черти. В доказательство дед показывал порванные штаны: чёрт якобы клюнул деда в ногу, порвал рядно и набил на колене большую ссадину.

Деду никто не верил. Даже сердитые старухи шамкали, что у чертей отродясь не было клювов, что черти в озёрах не водятся и, наконец, что после революции чертей вообще нет и быть не может – их извели до последнего корня.

Но всё же старухи перестали ходить к Глухому озеру за ягодами. Им стыдно было признаться, что на двадцатом году революции они боятся чертей, и потому в ответ на упрёки старухи отвечали нараспев, пряча глаза:

– И-и-и, милый, ягод нынче нетути даже на Глухом озере. Отродясь такого пустого лета не случалось. Сам посуди: зачем нам зря ходить?

Деду не верили ещё и потому, что он был чудака и неудачник. Звали деда Десять процентов. Кличка эта была для нас непонятна.

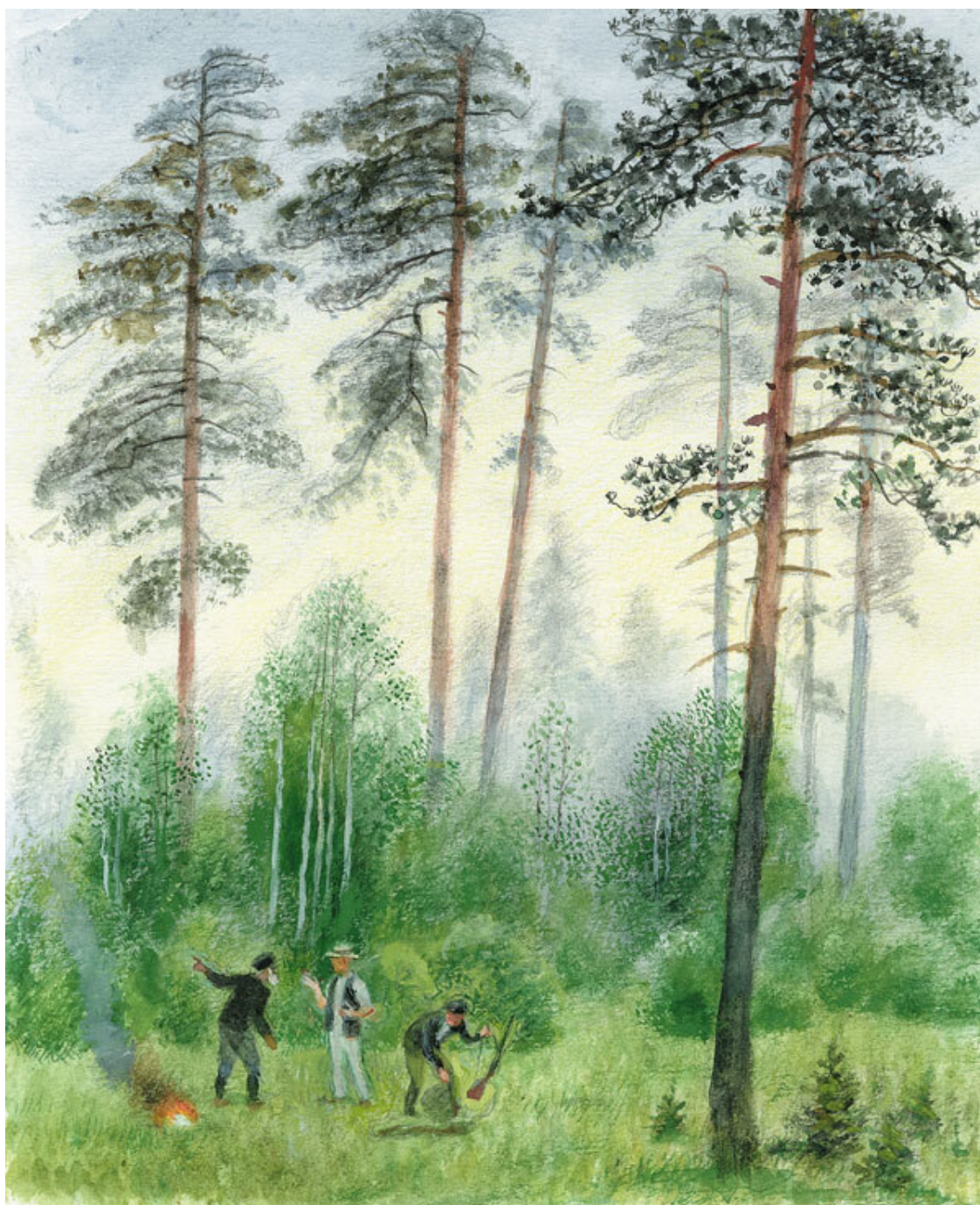
– За то меня так кличут, милочка, – объяснил однажды дед, – что во мне всего десять процентов прежней силы осталось. Свинья меня задрала. Ну и была ж свинья – прямо лев! Как выйдет на улицу, хрюкнет – кругом пусто! Бабы хватают ребят, кидают в избу. Мужики выходят на двор не иначе как с вилами, а которые робкие, те и вовсе не выходят. Прямо война! Крепко дралась та свинья. Ты слухай, что дальше было. Залезла та свинья ко мне в избу, сопит, зыркает на меня злым глазом. Я её, конечно, тяпнул костылём: иди, мол, милая, к лешему, ну тебя! Тут оно и поднялось! Тут она на меня и кинулась! Сшибла меня с ног; я лежу, кричу в голос, а она меня рвёт, она меня терзает! Васька Жуков кричит: «Давай пожарную машину,

будем её водой отгонять, потому ныне убивать свиней запрещено!» Народ толчётся, голосит, а она меня рвёт, она меня терзает! Насилу мужики меня цепями от неё отбили. В больнице я лежал. Доктор прямо удивлялся. «От тебя, – говорит, – Митрий, по медицинской видимости, осталось не боле как десять процентов». Теперь так и перебиваюсь на эти проценты. Вот оно как, милоч! А свинью ту убили разрывной пулей: иная её не брала.

Вечером мы позвали деда к себе – расспросить о чёрте. Пыль и запах парного молока висели над деревенскими улицами – с лесных полян пригнали коров, женщины кричали у калиток заунывно и ласково, скликая телят:

– Тялуш, тялуш, тялуш!

Дед рассказал, что чёрта он встретил на протоке, у самого озера. Там он кинулся на деда и так долбанул клювом, что дед упал в кусты малины, завизжал не своим голосом, а потом вскочил и бежал до самого Горелого болота.





– Чуть сердце не хрястнуло. Вот какая получилась завёртка!

– А какой из себя этот чёрт?

Дед заскрёб затылок.

– Ну, вроде птица, – сказал он нерешительно. – Голос вредный, сиплый, будто с простуды. Птица не птица – пёс его разберёт.

– Не сходить ли нам на Глухое озеро? Всё-таки любопытно, – сказал Рувим, когда дед ушёл, попив чаю с баранками.

– Тут что-то есть, – ответил я.

Мы вышли на следующий день. Я взял двустволку.

На Глухое озеро мы шли впервые и потому прихватили с собой провожатым деда. Он сначала отказывался, ссылаясь на свои «десять процентов», потом согласился, но попросил, чтобы ему за это в колхозе выписали два трудодня. Председатель колхоза, комсомолец Лёня Рыжов, рассмеялся:

– Там видно будет! Ежели ты у баб этой экспедицией дурь из головы выбьешь, тогда выпишу. А пока шагай!

И дед, благословясь, зашагал. В дороге он о чёрте рассказывал неохотно, больше помалкивал.

– А он ест что-нибудь, чёрт? – спрашивал Рувим.

– Надо полагать, рыбкой помаленьку питается, по земле лазит, ягоды жрёт, – говорил дед. – Ему тоже промышлять чем-нибудь надо, даром что нечистая сила.

– А он чёрный?

– Поглядишь – увидишь, – отвечал загадочно дед. – Каким прикинется, таким себя и покажет.

Весь день мы шли сосновыми лесами. Шли без дорог, перебирались через сухие болота – мшары, где нога тонула по колено в сухих коричневых мхах, слушали тонкое посвистывание птиц.

Жара густо настаивалась в хвое. Кричали медведки. На сухих полянах из-под ног дождём сыпались кузнечики. Устало никла трава, пахло горячей сосновой корой и сухой земляникой. В небе над верхушками сосен неподвижно висели ястребы.

Жара измучила нас. Лес был накалён, сух, и казалось, что он тихо тлеет от солнечного зноя. Даже как будто попахивало гарью. Мы не курили – боялись, что от первой же спички лес вспыхнет и затрещит, как сухой можжевельник, и белый дым лениво поползёт к жёлтому солнцу.

Мы отдыхали в густых чащах осин и берёз, пробирались через заросли на сырые места и дышали грибным, прелым запахом травы и корней. Мы долго лежали на привалах и слушали, как шумят океанским прибоем вершины сосен, – высоко над головой дул медленный летний ветер. Он был, должно быть, очень горяч.

Только к закату мы вышли на берег озера. Безмолвная ночь осторожно надвигалась на леса глухой синевой. Едва заметно, будто капли серебряной воды, блестели первые звёзды. Утки с тяжёлым свистом летели на ночлег. Озеро, замкнутое поясом непроходимых зарослей, поблёскивало внизу. По чёрной воде расплывались широкие круги – играла на закате рыба. Ночь начиналась над лесным краем, долгие сумерки густели в чащах, и только костёр трещал и разгорался, нарушая лесную тишину.

Дед сидел у костра.

– Ну, где же твой чёрт, Митрий? – спросил я.

– Тама... – Дед неопределённо махнул рукой в заросли осинника. – Куда рвёшься? Утром искать будем. Нынче дело ночное, тёмное, погодить надо.

На рассвете я проснулся. С сосен капал тёплый туман. Дед сидел у костра и торопливо крестился. Мокрая его борода мелко дрожала.

– Ты чего, дед? – спросил я.

– Доходишься с вами до гибели! – пробормотал дед. – Слышь, кричит, анафема! Слышь? Буди всех!

Я прислушался. Спросонок ударила в озере рыба, потом пронёсся пронзительный и яростный крик.

«Уэк! – кричал кто-то. – Уэк! Уэк!»

В темноте началась возня. Что-то живое тяжело забилося в воде, и снова злой голос прокричал с торжеством: «Уэк! Уэк!»

– Спаси, Владычица Троеручица! – бормотал, запинаясь, дед. – Слышь, как зубами класает? Дёрнуло меня с вами сюды переться, старого дурака!

С озера долетали странное щёлканье и деревянный стук, будто там дрались палками мальчишки.

Я растолкал Рувима. Он проснулся и сказал испуганно:

– Надо ловить!

Я взял ружьё.

– Ну, – сказал дед, – действуйте, как желаете. Я знать ничего не знаю! Ещё за вас отвечать доведётся. Ну вас к лешему!

Дед от страха совсем ошалел.

– Иди стреляй, – бормотал он сердито. – Начальство тоже за это по головке не побалуёт. Нешто можно в чёрта стрелять? Ишь чего выдумали!

«Уэк!» – отчаянно крикнул чёрт.

Дед натянул на голову армяк и замолк.

Мы поползли к берегу озера. Туман шуршал в траве. Над водой неторопливо подымалось огромное белое солнце.

Я раздвинул кусты волчьей ягоды на берегу, взгляделся в озеро и медленно потянул ружьё.

– Что видно? – шёпотом спросил Рувим.

– Странно... Что за птица, никак не пойму.

Мы осторожно поднялись. На чёрной воде плавала громадная птица. Оперение её переливалось лимонным и розовым цветом. Головы не было видно – она вся, по длинную шею, была под водой.

Мы оцепенели. Птица вытащила из воды маленькую головку, величиной с яйцо, заросшую курчавым пухом. К голове был как будто приклеен громадный клюв с кожаным красным мешком.

– Пеликан! – тихо сказал Рувим. – Это курчавый пеликан. Я таких знаю.

«Уэк!» – предостерегающе крикнул пеликан и посмотрел на нас красным глазом.



Из его клюва торчал хвост толстого окуня. Пеликан тряс шеей, чтобы протолкнуть окуня в желудок.

Тогда я вспомнил о газете – в ней была завёрнута копчёная колбаса. Я бросился к костру, вытряхнул из рюкзака колбасу, расправил засаленную газету и прочёл объявление, набранное жирным шрифтом:

**Во время перевозки зверинца по узкоколейной железной дороге сбежала африканская птица пеликан. Приметы: перо розовое и жёлтое, большой клюв с мешком для рыбы, на голове пух, птица старая, очень злая, не любит и бьёт детей, взрослых трогает редко, о находке сообщить в зверинец за приличное вознаграждение.**

– Ну, – сказал Рувим, – что будем делать? Стрелять жалко, а осенью он подохнет от холода.

– Дед сообщит в зверинец, – ответил я. – И, кстати, получит благодарность.

Мы пошли за дедом. Дед долго не мог понять, в чём дело. Он молчал, моргал глазами и всё скрёб худую грудь. Потом, когда понял, пошёл с опаской на берег смотреть чёрта.

– Вот он, твой леший, – сказал Рувим. – Гляди!

– И-и-и, милый!.. – Дед захихикал. – Да разве я что говорю? Ясное дело – не чёрт. Пущай живёт на воле, рыбку полавливает. А вам спасибо. Освобонили народ от страха. Теперь девки сюда понапрут за ягодами – только держись! Шалая птица, сроду такой не видал.

Днём мы наловили рыбы и снесли её к костру. Пеликан поспешно вылез на берег и приковылял к нашему привалу. Он посмотрел на деда прищуренным глазом, как будто что-то стараясь припомнить. Дед задрожал. Но тут пеликан увидел рыбу, разинул клюв, щёлкнул им с деревянным стуком, крикнул «уэк!» и начал отчаянно бить крыльями и притопывать утиной лапой. Со стороны было похоже, будто пеликан качает тяжёлый насос.

От костра полетели угли и искры.

– Чего это он? – испугался дед. – Чумовой, что ли?

– Рыбы просит, – объяснил Рувим.

Мы дали пеликану рыбу. Он проглотил её, но всё же ухитрился мимоходом ущипнуть меня в спину и зашипеть.

Потом он снова начал накачивать крыльями воздух, приседать и топтать ногой – кланчить рыбу.

– Пошёл, пошёл! – ворчал на него дед. – Ишь размахался!

Весь день пеликан бродил вокруг нас, шипел и кричал, но в руки не давался.

К вечеру мы ушли. Пеликан влез на кочку, бил нам вслед крыльями и сердито кричал: «Уэк, уэк!» Вероятно, он был недоволен, что мы бросаем его на озере, и требовал, чтобы мы вернулись.

Через два дня дед поехал в город, нашёл на базарной площади зверинец и рассказал о найденном пеликане. Из города приехал рябой человек и забрал пеликана.

Дед получил от зверинца сорок рублей и купил на них новые штаны.

– Порты у меня – первый сорт! – говорил он и оттягивал штанину. – Об моих портах разговор идёт до самой Рязани. Сказывают, даже в газетах печатали про эту дуrolомную птицу. Вот она какая, жизнь наша, милоч!





## Резиновая лодка



Мы купили для рыбной ловли надувную резиновую лодку.

Купили мы её ещё зимой в Москве и с тех пор не знали покоя. Больше всех волновался Рувим. Ему казалось, что за всю его жизнь ещё не было такой затяжной и скучной весны, что снег нарочно тает очень медленно и что лето будет холодным и ненастным.

Рувим хватался за голову и жаловался на дурные сны. То ему снилось, что большая щука таскает его вместе с резиновой лодкой по озеру и лодка ныряет в воду и вылетает обратно с оглушительным бульканьем, то снился пронзительный разбойничий свист – это из лодки, распоротой корягой, стремительно выходил воздух, – и Рувим, спасаясь, суетливо плыл к берегу и держал в зубах коробку с папиросами.





Страхи прошли только летом, когда мы привезли лодку в деревню и испытали её на мелком месте около Чёртова моста.

Десятки мальчишек плавали около лодки, свистели, хохотали и ныряли, чтобы рассмотреть лодку снизу. Лодка спокойно покачивалась, серая и толстая, похожая на черепаху.

Белый мохнатый щенок с чёрными ушами – Мурзик – лаял на неё с берега и рыл задними лапами песок.

Это значило, что Мурзик разлаялся не меньше чем на час.

Коровы на лугу подняли головы и все, как по команде, перестали жевать.

Бабы шли через Чёртов мост с кошёлками. Они увидели резиновую лодку, завизжали и заругались на нас:

– Ишь, шалые, что придумали! Народ зря мутитя!

После испытания дед Десять процентов щупал лодку корявыми пальцами, нюхал её, ковырял, хлопал по надутым бортам и сказал с уважением:

– Воздуходувная вещь!

После этих слов лодка была признана всем населением деревни, а рыбаки нам даже завидовали.

Но страхи не прошли. У лодки появился новый враг – Мурзик.

Мурзик был недогадлив, и потому с ним всегда случались несчастья: то его жалила оса – и он валялся с визгом по земле и мял траву, то ему отдавливали лапу, то он, воруя мёд, измазывал им мохнатую морду до самых ушей. К морде прилипали листья и куриных пух, и нашему мальчику приходилось отмывать Мурзика тёплой водой. Но больше всего Мурзик изводил нас лаем и попытками сгрызть всё, что ему попадалось под руку.

Лаял он преимущественно на непонятные вещи: на рыжего кота, на самовар, примус и на ходики.

Кот сидел на окне, тщательно мылся и делал вид, что не слышит назойливого лая. Только одно ухо у него странно дрожало от ненависти и презрения к Мурзику. Иногда кот взглядывал на щенка скупающими наглыми глазами, как бы говорил Мурзику:

«Отвяжись, а то так тебя двину...»

Тогда Мурзик отскакивал и уже не лаял, а визжал, закрыв глаза.

Кот поворачивался к Мурзику спиной и громко зевал. Всем своим видом он хотел унижить этого дурака. Но Мурзик не унимался.

Грыз Мурзик молча и долго. Изгрызенные и замусоленные вещи он всегда сносил в чулан, где мы их и находили. Так он сгрыз книжку стихов, подтяжки Рувима и замечательный поплавок из иглы дикобраза – я купил его по случаю за три рубля.

Наконец Мурзик добрался до резиновой лодки.

Он долго пытался ухватить её за борт, но лодка была очень туго надута, и зубы скользили. Ухватить было не за что.

Тогда Мурзик полез в лодку и нашёл там единственную вещь, которую можно было сжевать, – резиновую пробку. Ею был заткнут клапан, выпускающий воздух.

Мы в это время пили в саду чай и не подозревали ничего плохого.

Мурзик лёг, зажал пробку между лапами и заворчал – пробка ему начинала нравиться.

Он грыз её долго. Резина не поддавалась. Только через час он её разгрыз, и тогда случилась совершенно страшная и невероятная вещь: густая струя воздуха с рёвом вырвалась из клапана, как вода из пожарного шланга, ударила в морду, подняла на Мурзике шерсть и подбросила его в воздух.

Мурзик чихнул, взвизгнул и полетел в заросли крапивы, а лодка ещё долго свистела, рычала, и бока её тряслись и худели на глазах.

Куры раскудахтались по всем соседским дворам, а рыжий кот промчался тяжёлым галопом через сад и прыгнул на берёзу. Оттуда он долго смотрел, как булькала странная лодка, выплёвывая толчками последний воздух.

После этого случая Мурзика наказали. Рувим нашлапал его и привязал к забору.

Мурзик извинялся. Завидев кого-нибудь из нас, он начинал подметать хвостом пыль около забора и виновато поглядывать в глаза. Но мы были непреклонны – хулиганская выходка требовала наказания.

Мы скоро ушли за двадцать километров, на Глухое озеро, но Мурзика не взяли. Когда мы уходили, он долго визжал и плакал на своей верёвке около забора. Нашему мальчику было жаль Мурзика, но он крепился.

На Глухом озере мы пробыли четыре дня.

На третий день ночью я проснулся оттого, что кто-то горячим и шершавым языком вылизывал мои щёки.

Я поднял голову и при свете костра увидел мохнатую, мокрую от слёз Мурзикину морду.

Он визжал от радости, но не забывал извиняться: всё время подметал хвостом сухую хвою по земле. На шее его болтался обрывок разгрызенной верёвки. Он дрожал, в шерсть его набился мусор, глаза покраснели от усталости и слёз.

Я разбудил всех. Мальчик засмеялся, потом заплакал и опять засмеялся. Мурзик подполз к Рувиму и лизнул его в пятку – в последний раз попросил прощения. Тогда Рувим раскупорил банку тушёной говядины – мы звали её «смакатурой» – и накормил Мурзика. Мурзик сглотал мясо в несколько секунд.

Потом он лёг рядом с мальчиком, засунул морду к нему под мышку, вздохнул и засвистел носом.

Мальчик укрыл Мурзика своим пальто. Во сне Мурзик тяжело вздыхал от усталости и потрясения.

Я думал о том, как, должно быть, страшно было такому маленькому пёсику бежать одному через ночные леса, вынюхивая наши следы, сбиваться с пути, скулить, поджав лапу, слушать плач совы, треск веток и непонятный шум травы и, наконец, мчаться опрометью, прижав уши, когда где-то, на самом краю земли, слышался дрожащий вой волка.

Я понимал испуг и усталость Мурзика. Мне самому приходилось ночевать в лесу без товарищей, и я никогда не забуду первую свою ночь на Безымянном озере.

Был сентябрь. Ветер сбрасывал с берёз мокрые и пахучие листья. Я сидел у костра, и мне казалось, что кто-то стоит за спиной и тяжело смотрит в затылок. Потом в глубине зарослей я услышал явственный треск человеческих шагов по валежнику.





Я встал и, повинувшись необъяснимому и внезапному страху, залил костёр, хотя и знал, что на десятки километров вокруг не было ни души. Я был совсем один в ночных лесах.

Я просидел до рассвета у потухшего костра. В тумане, в осенней сырости над чёрной водой, поднялась кровавая луна, и свет её казался мне зловещим и мёртвым...

Утром мы взяли Мурзика с собой в резиновую лодку. Он сидел тихо, расставив лапы, искоса поглядывая на клапан, вилял самым кончиком хвоста, но на всякий случай тихо ворчал. Он боялся, что клапан опять выкинет с ним какую-нибудь зверскую штуку.

После этого случая Мурзик быстро привык к лодке и всегда спал в ней.

Однажды рыжий кот залез в лодку и тоже решил там поспать. Мурзик храбро бросился на кота. Кот словчился, ударил Мурзика лапой по ушам и со страшным шипом, будто кто-нибудь плеснул воду на раскалённую сковородку с салом, вылетел из лодки и больше к ней

не подходил, хотя ему иногда и очень хотелось поспать в ней. Кот только смотрел на лодку и Мурзика из зарослей лопухов зелёными завистливыми глазами.

Лодка дожила до конца лета. Она не лопнула и ни разу не напоролась на корягу. Рувим торжествовал.





## Сивый мерин



На закате колхозных лошадей гнали через брод в луга, в ночное. В лугах они неторопливо паслись, а поздней ночью подходили к огороженным тёплым стогам и спали около них стоя, всхрапывая и потряхивая ушами. Лошади просыпались от каждого шороха, от крика перепела, от гудка буксирного парохода, тащившего по Оке баржи. Пароходы всегда гудели в одном и том же месте, около переката, где был виден белый сигнальный огонь. До огня было не меньше пяти километров, но казалось, что он горит совсем недалеко, за соседними ивами.

Каждый раз, когда мы проходили мимо согнанных в ночное лошадей, Рувим спрашивал меня, о чём думают лошади ночью.

Мне казалось, что лошади ни о чём не думают. Они слишком устали за день, им было не до размышлений. Они жевали мокрую от росы траву и вдыхали, раздув ноздри, свежие и заманчивые запахи ночи. С берега Прорвы доносился тонкий запах отцветающего шиповника и листьев ивы. Из лугов за Новосёлковским бродом тянуло ромашкой и медуницей, её запах был похож на сладкий запах пыли. Из лощин пахло укропом, из озёр – глубокой водой, а из деревни изредка доносился запах только что испечённого чёрного хлеба. Тогда лошади подымали головы и радостно ржали.

Однажды мы вышли на рыбную ловлю в два часа ночи. В лугах было сумрачно от звёздного света. На востоке уже занималась, синяя, заря.

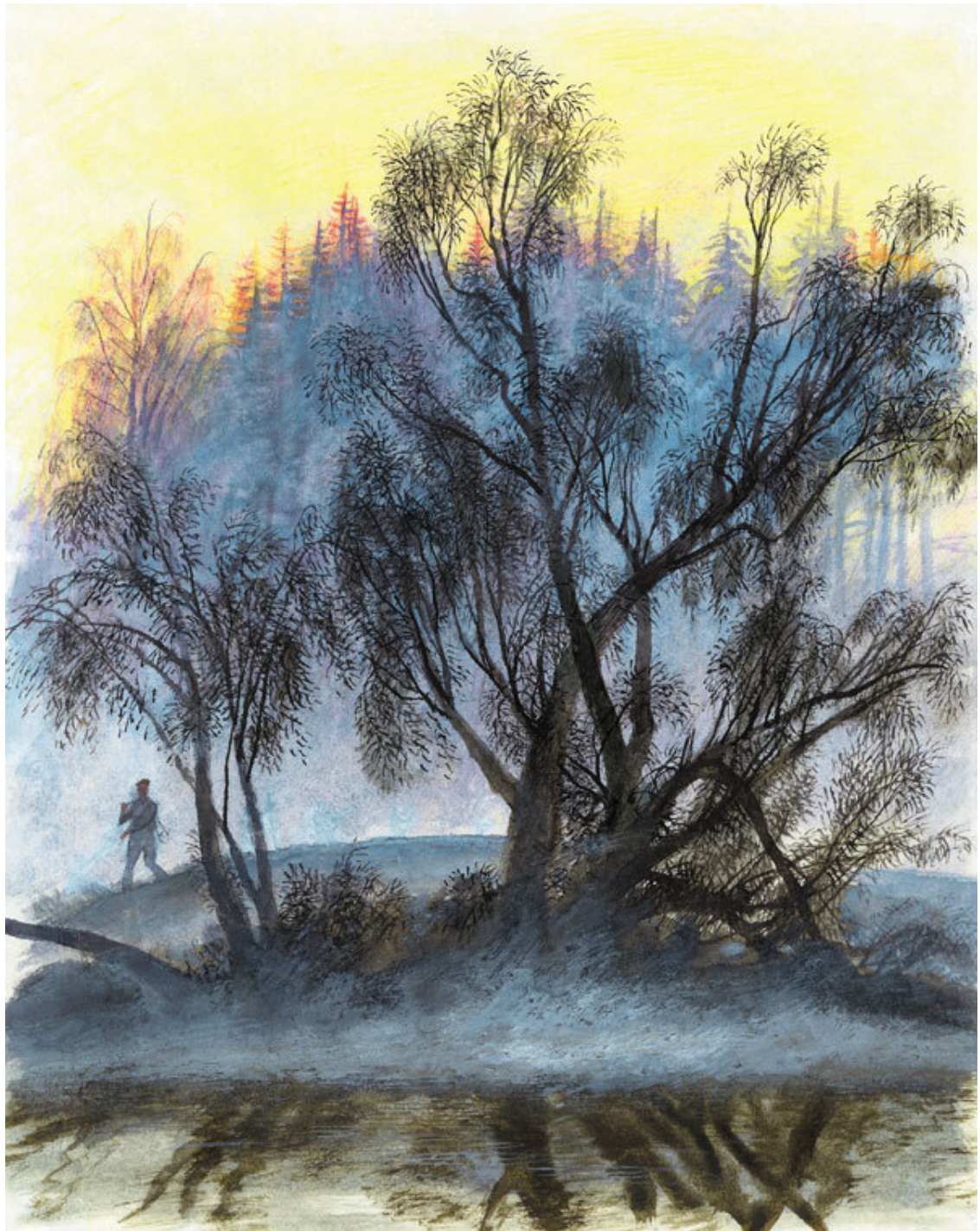
Мы шли и говорили о том, что самое безмолвное время суток на земле всегда бывает перед рассветом. Даже в больших городах в это пустынное время иногда становится тихо, как в поле.

По дороге на озеро стояло несколько ив. Под ивами спал старый мерин. Когда мы проходили мимо него, он проснулся, со свистом махнул тощим хвостом, подумал и побрёл следом за нами.

Всегда бывает немного жутко, когда ночью лошадь увяжется за тобой и не отстаёт ни на шаг. Как ни оглянешься, она всё идёт, покачивая головой и перебирая тонкими ногами.

Однажды днём в лугах ко мне вот так же пристала ласточка. Она кружилась около меня, задевала за плечо, кричала жалобно и настойчиво, будто я у неё отнял птенца и она просила отдать его обратно. Она летела за мной, не отставая, два часа, и в конце концов мне стало не по себе. Я не мог догадаться, что ей нужно. Я рассказал об этом знакомому деду Митрию, и он посмеялся надо мной.

— Эх ты, безглазый! — сказал он. — Да ты глядел или нет, чего она делала, эта ласточка? Видать, что нет, а ещё очки в кармане носишь. Дай покурить, тогда я тебе в точности всё объясню.



Я дал ему покурить, и он открыл мне простую истину: когда человек идёт по некошеному лугу, он спугивает сотни кузнечиков и жуков, и ласточке незачем выискивать их в густой траве – она летает около человека, ловит их на лету и кормится без всякой заботы.

Но старый мерин нас не испугал, хотя и шёл сзади так близко, что иногда слегка толкал меня мордой в спину. Старого мерина мы знали давно, и ничего таинственного в том, что он увязался за нами, не было – попросту ему было скучно стоять одному всю ночь под ивой и прислушиваться, не ржёт ли где-нибудь его приятель, гнедой одноглазый конь.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.